

Мировоззрение и отношение к республиканскому прошлому в творчестве Аммиана Марцеллина

А.И. ГАНЖУРОВ

Исследуется отношение Аммиана Марцеллина к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э., завершившимся установлением монархического режима принципата. Анализируются параллели автора между республиканским периодом, принципатом и доминатом в Древнем Риме.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Римская республика, гражданские войны, гражданская свобода, монархия, принципат, демократия, социальные стереотипы, христианство.

The attitude of Ammianus Marcellinus to the civil wars in Rome in the first century BC, culminating in the establishment of the monarchical regime of the Principate is examined. The author's parallels between the Republican period, the Principate and the Dominate in Ancient Rome are analyzed.

Keywords: Ammianus Marcellinus, the Roman Republic, civil wars, civil liberties, monarchy, Principate, democracy, social stereotypes, Christianity.

Время жизни Аммиана Марцеллина (ок.330 – ок.400 гг. н.э.) [1, с. 32], [2, с. 121], характеризуется переломным моментом для европейской цивилизации, когда новая идеология христианства сумела захватить сознание большого количества жителей империи и к концу его жизни практически окончательно утвердился на государственном уровне, включая императоров. Среди интересующейся науками элиты еще оставались люди, не поддавшиеся распространению новой идеологии. И таких подданных было немало, включая самого Марцеллина, Евтропия, Аврелия Виктора. Однако малообразованные императоры-«солдаты» после Юлиана (361–363 гг.н.э.) уже все были христианами. Таким образом, сам Марцеллин принадлежал к последним «островкам» свободомыслия, уже не играющим существенной роли в становлении и мировоззрении общества [3, с. 5]. Аммиан родился в Антиохии Сирийской [3, с. 18]. По всей видимости, его семья была местного знатного греческого происхождения, так как сам себя называл «человек благородного звания» (*insuetus ingenuus*) и греком [4, с. 176], [5, с. 223]. По мнению А. Уоллеса-Хэдрилла, его антиохийская семья принадлежала к сословию куриалов [6, р. 14]. О происхождении Аммиана можно судить и по его негативному отношению к популярным в Риме «незнатным и никому не известным проходимцам» (*subditicios ignobiles et obscuros*), а также по явно имеющим автобиографический характер жалобам на отсутствие в столице достойного отношения к «новому человеку благородного сословия» (*honestus advena*) [4, с. 37]. Именно по причине своего благородного происхождения Аммиан Марцеллин смог получить хорошее образование [7, с. 435], [8, с. 1551], включая глубокое изучение Цицерона, которого он называет по имени 34 раза [8, с. 1553], что и позволило ему в будущем стать последним крупным выдающимся античным писателем-историком. Его критические отзывы эпохи напоминают сатиру и еще более – Лукиана [8, с. 1554].

К 353 г. Аммиан был протектором-доместиком [3, с. 18]. Протекторы входили в элиту позднеримской армии и были близки к императору, что позволило Аммиану находиться в курсе всех важнейших государственных дел. Вероятно, Аммиан имел возможность обращаться и к различным официальным документам из государственных архивов [9, с. 149]. Как бывалый военный Аммиан неоднократно хладнокровно рассказывает о случаях каннибализма и наведения ужаса на врага с помощью употребления крови из горла еще живого поверженного противника [4, сс. 347, 385, 386, 523], [2, с. 124]. Как для римского воина периода домината для Аммиана было характерно, что хотя он по своему происхождению являлся греком, но был римским патриотом, сторонником усиления могущества империи во всех ее проявлениях и формах любой ценой, даже путём поголовного и беспощадного уничтожения враждебных народов [4, сс. 111, 126, 132, 139]. Таким образом, расширение римской империи виделось Аммиану одной из важнейших задач существования государства.

В оценках Аммиана гражданских войн I века до н.э. и в целом демократии мы видим синкретичность взглядов автора «Деяний», нормально относящегося как к демократии, так и к доминату [7, с. 433], [8, с. 1554], [2, с. 124], которые он обосновывает этапами развития государства. Его личные симпатии принадлежат скорее ушедшей эпохе принципата. Пользуясь метафорами, автор сравнивает римскую историю с периодами детства, «подростка», юношей и мужей, и старости [4, с. 35–36]. К детству Аммиан относит почти 300-летний период, от царей и начальный период демократии до взятия Рима галлами Бренна, т. е. пока «римский народ выдерживал войны вокруг стен города». К «подростковому» периоду относится выход за обе границы полуострова с захватом Сицилии и Галии. Период юношей и мужей для Рима характеризуется как «стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в круг земной». И наконец, к старости Рим обратился к «более спокойной жизни». Таким образом, демократический период описывается Аммианом как промежуточное состояние между детством и юношеством. К этому же периоду он относит и получение «основы свободы». Примечательно, что к гражданским войнам I века до н.э. отношение Аммиана Марцеллина базируется на позициях принципата и оценивается как добрые и разумные события, приведшие к управлению Цезарей [4, с. 35–36]. Законы Суллы об обысках «хотя бы и кровавых», при оскорблении священной особы императора защищаются и называются разумными при исключении их массового применения. Здесь хорошо видно, что известный закон о стремлении к царской власти, принятый на заре республики [10, с. 200], который давал право каждому без предварительного суда и следствия убивать подозреваемого человека, уже не упоминается и звучит призыв всеми силами граждан империи защищать императора. «Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами,» – утверждает Аммиан [4, с. 185].

Интересен взгляд Аммиана с позиции отношения жителей провинций к Риму. Будучи урожденным сирийским греком, он полагает, что повсюду «чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа», несмотря на то, что «трибы давно бездействуют, центурии успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия» [4, с. 36].

Известный случай с Кинеасом, послом Пирра, который сравнивал римский сенат с множеством царей в республиканский период, используется Аммианом Марцеллином с осуждением императора при описании приезда Констанция в Рим и его пренебрежительного отношения к сенату, разительно отличного от Кинеаса [4, с. 97–98], [10, с. 491]. При описании неудавшегося покушения на Констанция захваченные его вещи Аммианом прямо называются царскими [4, с. 182]. Не чужды Аммиану положительные оценки фигур Сципиона Эмилиана и Помпея времен республики, в которых он защищает Помпея от клеветы в стремлении к царской власти [4, с. 133], а также консула Квинкция Цинцинната, имевшего славу бедняка [4, с. 248]. Марий и Цинна представлены с некоторым осуждением за предоставление домов проскрибированных граждан на разграбление римской черни и этому противопоставляется нежелание простого народа воспользоваться возможностью ограбления [4, с. 484].

Значительное влияние оказал на мировоззрение Аммиана Марцеллина неоднократно упоминаемый им Цицерон, который тоже был «новым человеком» своего времени. Это сказалось и на религиозных взглядах, в которых решающие события приписываются богам и человеческой глупости, неверно истолковавшей божьи знамения, а также допускается научность астрологии [1, с. 216]. Цитирование в данном контексте Цицерона предполагает ответственность богов за смену государственного устройства. Хорошо знаком Аммиан и с трактатом Цицерона «О государстве», выдержку из пятой книги, которого он приводит [4, с. 472–473], [11, с. 78]. В отношении Юлия Цезаря Аммиан, следуя мнению Цицерона, планы Цезаря стать царем считает «нечестивыми и гибельными», не приносящими счастья, а действия жестокими, проводя при этом аналогию с изгнанником Камиллом, который был счастливее, чем его современник Манлий, спаситель Капитолия, даже если бы он смог стать царем [4, с. 240]. Глазами Цицерона он смотрит и на Брута, отмечая, что «с похвалой о Бруте отмечает Туллий.... он [Брут – Г.] ничего не допускал в угоду кому-либо, однако все его действия были угодны всем», что, безусловно, шло вразрез с интересами Цезаря и Августа [4, с. 397].

Синкретизм наблюдается у Аммиана и при описании правления Юлиана, которого он дважды именуется принцепсом, достигшим власти без потерь для государства, и один раз царем [4, сс. 214, 245, 286]. Отправление консульства Валентинианом и Валентом обозначается как высший сан, перешедший на следующий год Грациану и Дагалайфу, а после смерти Иовиана гражданские чины вместе с военными командирами уже ищут «на царство» достойного человека [4, сс. 374, 355–356]. Когда же его нашли в лице Валента, также описывается его царское достоинство [4, с. 437]. Не чуждо Аммиану и использование термина «тиран» к событиям своего времени [4, с. 389]. Мы наблюдаем наложение, казалось бы, взаимоисключающих социальных стереотипов, влияние которых на сознание людей было известно самому автору, описывающему силу явления подражания и запечатления на примере нисхождения в массы нравов двора императоров. Так, он сообщает о дворе Юлиана: «Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений» [4, с. 247–248]. Аммиан высказывает сомнение в целесообразности описания массовых казней за колдовство, так как опасается показать в своей книге читателям пример подражания подобным действиям, но считая, что он пишет во время «высшей нравственности», полагает, что времена религиозной «инквизиции» уже не вернутся [4, с. 406–407].

Не менее важным, чем политический, представляется и религиозный синкретизм в работе Аммиана, причем как его личный, так и общегосударственный. Исходя из концепции, что новые идеологии, в данном случае христианство, распространяясь в обществе, многое изменяют в самом обществе, в т. ч. с помощью издания новых законов, можно на основе «Деяний» рассмотреть взаимопроникновение монотеистического христианства с политеистическими воззрениями античности.

Из религиозно-философских учений ближе всего Аммиану был неоплатонизм, в чем можно согласиться с исследователем В.С. Дуровым [2, с. 125]. Веру в языческих богов Олимпа у историка сменила вера в высшее божество, управляющее миром, к которому свободно мог обращаться любой человек. При этом неоплатонизм не отделен от любви к традиционной языческой культуре. Данная позиция однозначно показывает влияние монотеистического христианства на политеистическое население империи в сторону синкретичности религиозных воззрений. Аммиан в целом толерантно относится к христианству [2, с. 124]. Советский исследователь Удальцова З.В. видела двойственность отношения Аммиана к христианству, однако о двойственности можно говорить лишь с позиции современных взглядов и воспитания, в которых нет места вере в римских богов [12, с. 43], [7, с. 433]. Источник предмета христианского культа Аммиан видел в египетских «знаниях», из книг которых черпал Иисус свои идеи, будучи соперником Юпитера. При этом он свидетельствовал, вопреки Библии, что Иисус никогда не был в Египте [4, с. 276]. Достаточно трезво Аммиан описывает действия и мотивы служителей христианского культа. А описывая время правления Юлиана, он указывает, что, несмотря на просьбы императора предать забвению свои распри между различными епископами и их паствой, Юлиан расчетливо усугублял эти распри, дав свободу трактовки веры каждому епископу, так как «знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях» [4, с. 249].

Описывая борьбу Дамаса и Урсина за папское кресло в Риме, он указывает на кровавые бунты народа, который разделившись на партии, в борьбе доходил до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Сами волнения христиан упоминаются неоднократно. После победы Дамаса, в базилике христианского культа Сицинина, было найдено 137 трупов убитых людей, «и долго пребывавшая в озверении чернь лишь исподволь и мало-помалу успокоилась». Префект города паннонец Вивенций, обеспечивавший город изобилием продуктов, был вынужден удалиться из города, не имея возможности ни исправить христиан, ни смягчить [4, с. 384]. А префекту города Претекстату пришлось успокаивать его жителей от волнений, которые вызвали раздоры христиан [4, с. 396]. Мотивы занятия папского кресла тоже видны Аммиану со стороны, как человеку не заинтересованному: «Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приноше-

ниями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол» [4, с. 385]. Также пользуясь религиозностью императора Констанция ватаги епископов бесплатно разъезжали туда и сюда за счет государственной почты, чем причинили ей «страшный ущерб» [4, с. 241]. Само же христианство, не содержащее в своем учении ни слова о демократии и описывающее только реалии монархии, продолжило распространение, как на умы людей, так и на общественное устройство.

В текстах Аммиана Марцеллина бросается в глаза обилие фактов казней с помощью сожжения. Самих упоминаний о сожжении около 20, и неоднократно Аммиан рассказывает о присуждении тяжких казней, без упоминания каких именно. Сожжением казнят за посягательство на императорский трон, колдовство, к которому относят в т. ч. астрологию, разврат и прелюбодеяние, дезертирство. Само по себе сожжение в республиканский период и при первых императорах применялось редко, например Нерон, казнивший часть христиан сожжением по обвинению в устройстве пожара Рима, о чем нам сообщает Тацит [13, с. 388]. А по приказу императора Валентиниана, наблюдается вариант казни побитием камнями и убийство царя Армении за способность превращения в оборотня с помощью культа Цирцеи [4, сс. 447, 466]. Есть и казни с отсечением руки [4, с. 455]. Уже практикуются добровольные массовые сожжения своих личных библиотек «по всему Востоку» империи из страха обвинения в колдовстве и сожжение книг по приговору суда, хотя это были в основном книги по свободным наукам или же относились к праву [4, сс. 442, 441]. А самой науки, по мнению Аммиана Марцеллина, некоторые люди стали бояться как яда. [4, с. 421]. Сам Аммиан, склоняющийся к политеизму [2, с. 125], описывая одно из расследований, использует термин «дьявольский следователь» [4, с. 408]. В двух законах Константина I от 319 г. смертная казнь за колдовство и астрологию уже четко прописана, и осуществлялась, как правило, через сожжение, а в «Кодексе Феодосия» 438 г. сожжение уже рядовое явление [14, с. 169–170]. Колдовство, астрология и другие оккультные практики, в которые верило большинство населения [15, с. 466], претерпевали жестокие гонения от христианства, боровшегося с этой стороной политеистической культуры [14, с. 166–174].

Будучи сам верующим человеком, Аммиан кратко упоминает атеистов своего времени, говоря, что многие из римской знати, непосредственно в Риме, отрицали существование высшего божества на небе, но были приверженцами астрологии [4, с. 423]. Для самого Аммиана (как и у других людей того времени) одной из главных сил, управляющими миром, является судьба (или счастье – *fortuna*) [7, с. 433].

В заключение можно сделать вывод, что Аммиан Марцеллин спокойно относился к изменению государственного устройства Рима в результате гражданских войн I века до н.э., считая это естественным ходом событий. Мы видим синкретичность взглядов автора «Деяний», нормально относящегося к демократии, принципату и доминату, которые он обосновывает цикличностью, этапами взросления и развития государства. У Аммиана просматривается религиозное и астрологическое объяснение смены государственных устройств. Как протектор-доместик он входил в элиту римской армии, был в окружении императора и таким образом являлся частью государственной системы. Завоевательная политика виделась Аммиану одной из важнейших задач империи. Конкретно к гражданским войнам I века до н.э. отношение строится с позиций принципата и оценивается как добрые и разумные события, приведшие к установлению правления цезарей, хотя жестокие действия самого Цезаря осуждаются. Однако выделяется и отличие от историков принципата, проявляющееся в повышении сакрализации фигуры императора, воплотившееся в призыв всеми силами граждан империи защищать императоров от оскорблений и посягательства на их жизнь. Уже заметна выросшая роль христианства, которое для Аммиана рассматривается равнозначно с его политеистическими воззрениями через сравнение Иисуса как соперника Юпитера. Аммиан в целом толерантно относился к христианству, причем более лояльно, чем историки периода принципата. Как эрудированный человек Марцеллин принадлежал к последним «островкам» свободомыслия, уже не играющим существенной роли в становлении и мировоззрении общества. Значительное влияние на свободомыслие Аммиана оказала приверженность Цицерону и изучение его трудов. Его социальные стереотипы, впитав в себя, как демократию вме-

сте с принципатом и доминатом, так и политеизм с христианской культурой, отражали объективную составляющую мировоззрения человека из слоя образованной элиты IV в.

Литература

1. Дмитриев, В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии / В.А. Дмитриев // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2007. – Вып. 1. – С. 32–42.
2. Дуров, В.С. Художественная историография Древнего Рима / В.С. Дуров. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. – 144 с.
3. Лукомский, Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его время / Л.Ю. Лукомский // Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб. : Алетейя, 1996. – С. 5–21.
4. Марцеллин, А. Римская история / А. Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 1996. – 594 с.
5. Каждан, А.П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе / А.П. Каждан // Вестник древней истории. – 1972. – № 1. – С. 223–232.
6. Wallace-Hadrill, A. Introduction / A. Wallace-Hadrill // Ammianus Marcellinus. The later roman empire (a.d. 354–378). – London : Penguin Books, 1986. – P. 13–35.
7. Соболевский, С.И. Историческая литература III–V вв / С.И. Соболевский // История римской литературы. – М. : АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 420–437.
8. Михаэль фон Альбрехт. История римской литературы: в 3-х т. / Михаэль фон Альбрехт. – М. : Греко-латинский кабинет, 2005. – Т. 3. – 2001 с.
9. Банников, А.В. Можно ли доверять Аммиану Марцеллину? / А.В. Банников, Г.А. Шмидт // Античный мир и археология. – 2013. – Вып. 16. – С. 148–163.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания / Плутарх. – М. : Правда, 1987. – Т. 1. – 590 с.
11. Цицерон. Диалоги / Цицерон. – М. : Наука, 1966. – 224 с.
12. Удальцова, З.В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина / З.В. Удальцова // Византийский временник. – М. : Академия наук СССР, 1968. – Т. 28. – С. 38–59.
13. Тацит, Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Публий Корнелий Тацит. – М. : Ладомир, 2003. – 986 с.
14. Марей, А.В. Колдовство в законодательстве поздней империи / А.В. Марей // Вестник древней истории. – 2012. – № 2. – С. 166–175.
15. Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира / А.Х.М. Джонс. – Ростов на Дону : Феникс, 1997. – 576 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 22.12.2017